

ВОСПОМИНАНИЕ

Творческому объединению
«Истоки» желаю долгих лет
и всеобщих успехов, друзья по душе,
счастливых дней впереди и добрых
взвешен.

В. Ант

ТВОРЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ИСТОКИ»

Литературное объединение «Истоки» в следующем, 2015 году будет отмечать свое пятнадцатилетие. Оно было организовано при Культурном центре г. Енисейска и насчитывало в свое время около тридцати молодых литераторов. Литобъединение дало путевку в жизнь Ирине Медведевой, которая была принята в члены Союза писателей России, поэту и композитору Александру Дудину и многим другим.

В литобъединении издавали альманах «Перезвон» и литературную газету «Глаголь». За годы становления и развития литобъединение претерпело некоторые незначительные изменения. Сейчас оно объединяет начинающих литераторов г. Енисейска, п. Подтесово, с. Озерное, п. Верхнепашино. Тесно сотрудничает с литературным объединением «Радуга» г. Лесосибирска. В нем теперь работают и стали известны читателю прозаики Николай Шипило и Людмила Бондаренко, Петр Белоножко и Людмила Новикова, поэты Андрей Давыдов и Иван Кочетков, Юлия Маркова и Тагир Насибулин. Скоро читатель в очередном номере «Перезвона» найдет новые яркие имена. Теперь литобъединение «Истоки» приютила городская библиотека г. Енисейска. Газета «Вовремя» начинает публикацию литературных материалов литобъединения «Истоки» рассказом руководителя литобъединения «Истоки» Алексея Бондаренко.

ЦЫГАН

Этот жеребенок не был похож на других жеребят-однолеток из большого табуна колхозных лошадей. Он был гривастый, задорный и нахрапистый с рождения. Его грива в отличие от других жеребят с ржаными волнистыми шелковистыми гривами, была жесткая и черная как крыло ворона. По черной же как смоль вытянутой морде от короткой челки до храпа красовалась белая отметина. И ноги, будто в белых чулках. Глаза пытливы и диковаты. Казалось, что он рос не по дням, а по часам. Был стройным и высоким на ногах, и уже к началу осени стал почти вровень с матерью, старой изъезженной кобылой по кличке Милка.

Председатель, на глазах разваливающего колхоза, объезжая на машине поля, притормозил у пасущегося на лугу табуна. Грузно вывалившись из машины и переваливаясь с ноги на ногу, как гусак, подошел к конюху, лежавшему на старом тулупе в тени раскидистой березы.

- Дрыхнешь, Митрич? Скоро дома будешь бока отлеживать. А пока береги лошадей пуше глаза своего. А то глянь, чо делается вокруг: городские лихоимцы режут подряд всю животину. Чо под руку попадется. Особо помышляют за той, за которой пригляду нет.

- А что сделалось, Александр Петрович? Не пой-

му чтой-то табя!

- Ты, вон, Митрич, войну прошел и после был надежным стражем колхозного добра. Да и тепереча еще в мугуте. Но, а в толк не возьмешь, что время пришло другое, вороватое. Так что опасайся, отец, заезжих бродяг.

- Если уж нагрянут не в пору, то могу ишшо потолковать хошь с кем. При луне стану беседу вести, - невесело ответил Митрич.

- На своем веку не таких ухарей видывал. Бывало, пойдешь в разведку, наткнешься на фашистского амбала ростом в два метра, клюкнешь сверху по кумпалу — готовый, голубчик, спекся. Взвалишь энтого борова на спину и дуй, не стой, к своим. Всяко бывало... Так что пужаных не пужай, председатель. Я ишшо сам с усам.

Митрич, расправив плечи, приободрился: резко повернулся, пытаясь показать прием рукопашного боя, но схватившись за поясницу, заохал.

- То-то... - сочувственно покачал головой председатель. - Все мы вроде бы недавно были скакунами. Прошло твоё время пыжиться, отец. Да и мое не за горами. Я вон ружье тебе привез на всякий случай. Правда, стреляет через раз и патроны старые, лежащие, но поугарать можно. Кто шибко нахрапист.

Председатель достал из машины старое с расстрескавшейся ложей ружье двадцатого калибра,

протянул его Митричу.

- На кой мне ляд ружье-то твое? Я уже как-нибудь и без него обойдусь, - заупрямился Митрич.

- Чего уж тут! Бери, коли дают. Пригодится, — доброжелательно посоветовал председатель и надавил. — Береги лошадей-то. Пуше глаза своего береги. Теперь вся надежда на них. Тяжелое время для нас настало. Может и так случиться, что придется продать табун, чтобы выжить. А то приставы скоро с молотка пустят колхоз-то. А у колхозников ребятишки. На какие шиши учить их станут. Придет хана колхозу, и деревня наша развалится. Не каждый из сельчан решится гнездо свое насиженное покинуть. Не мне тебя учить, Митрич. Вон сам же говоришь, «сам сусам». Значит, любого научишь. Кумекай тут на вольном воздухе. В поле всегда думается по-другому.

- Значит, коней в распыл? — вспыхнул Митрич и, забыв про большую спину, коршуном налетел на председателя. — Разорители... не дам, не дам копей трогать. Ишь, чо удумали! Захотели на общественном добре нажиться. Телевизера насмотрелся? - Не дури, Митрич, - установил разошедшегося старика председатель. — При чем тут телевизор? Чо ты мне прикажешь с колхозниками делать? По миру пустить? А сам-то чо кусать станешь?

- Пензия — взмахнул руками Митрич. — Государство, слава Богу, не забывает ишшо нашего брата, стариков.

- Пе-е-ензия — пердразнил председатель. —

Ишь, видите ли, у него пенсия! А у других чо? Вошь на аркане? Ты, Митрич, старый солдат, огни и воды прошел. Да и медные трубы не испортили тебя. А мыслишь как ребенок. На досуге посображай, чо к чему.

Председатель, легко прыгнув в машину, надал газа. Только и видел его старый солдат. Лишь над лугом долго еще покачивалось облако пыли. Но вот дунул ветерок, и облако исчезло: ни урчание машины, ни пыли, ни начальственного голоса председателя. Только Митрич, тяжело вздыхая и вытирая рукавом рубахи слезившиеся глаза, жалостливо смотрел на мирно отдыхающий табун. Кобылиц ревниво охранял гнедой масти жеребец. Стоило какой-либо кобыле отбиться от табуна, он, опустив губастую голову до земли, со всех ног мчался ей наперерез. Остановившись перед ней, как вкопанный и, оскалив зубы, хватал ее за холку, направляя обратно в табун.

Митрич и ухом не повел, когда жеребец накинудся на отбившуюся от табуна молодую кобылицу. Старый конюх знал, что Жиган умеет не только наказывать за непослушание своих подруг, но и защитить их. После разговора с председателем в душе старого солдата что-то дрогнуло. Кто-то невидимой когтистой лапой больно сдавил сердце. Его сознание стало мутиться и он тяжело опустился на траву. Он плохо понимал, что происходит вокруг. Солнце вроде бы закатилось за тучу. И цветы на лугу поблекли. Перед глазами Митрича паслись лошади, а будто бы плыли призраки, сотканые из тумана. Они плыли как миражи по воздуху, распушив хвосты и гривы. Их копыта совсем не касались земли. Призраки, плавно покачиваясь в воздухе, быстро удалялись к мутному горизонту, летели стаей, как птицы. Вон уже замаячила поскотина и межа колхозного поля с поблекшей жухлой травой на окрайках, и притоптанное медведем на середине жнивье, и обрывок голубого неба, проткнутого остроконечными темными елями. А дальше серебрилась быстрая речка. И дремучая непроходимая тайга...

Все это видит Митрич, пытается подняться, чтобы повернуть табун обратно, но сил нет. Вся грудь заполнена невыносимой болью.

... Митрич потерял сознание.

Очнувшись Митрич час спустя от громкого ржания табунного жеребца. Прислушался. Сердце стучит гулко. А над лесом уже зорька погасла. От реки плотной стеной надвигался туман.

Митрич, озираясь, повел по сторонам глазами. Кобылицы мирно паслись на

Автор Алексей Маркович Бондаренко

лугу рядом, рукой до них податься. Лишь грозный жеребец Жиган, злобно копыта землю, носился как угорелый вокруг кобылиц ржал без остановки. А рядом с ним крутился тот гривастый жеребенок, которого Митрич давно приглядел. Приметный жеребенок. Когда старик пришел в себя и совсем очухался, то видений как не бывало. Первым его желанием было броситься спасать жеребенка. Попытаться подняться. Но не послушались искалеченные на войне ноги, стали будто ватными. Только и сумел, что беспомощно пригрозить бичом разгневанному жеребцу и снова бессильно опустился на траву. Жиган все не унимался: яробил копытами о землю, скалил зубы, гневно тряс косматой гривой. В глазах жеребца - раздражение и гнев. Видно, в табуне как-то из кобылиц не подчинилась его воле.

Митрич ахнул. Вдруг жеребец резко развернулся, оставив от копыт на земле глубокие борозды, и грудью бросился на жеребенка, мчавшегося за ним.

Старик, не помня себя, закричал:

- Ж-и-и-ган...

Митрич, испуганный увиденным, долго боялся открыть глаза. Он, сидя на земле, обхватив голову руками, качался из стороны в сторону, беззвучно шептал: «За что такое наказание? Господи, помилуй... Господи, помилуй!» У него не было сил даже перекреститься. Старый солдат от бессилия тукнулся головой в кочку, изуродованную копытами лошадей. Но тут Митрич совсем рядом услышал детский голос. Это был голос его внучки, Аленки. Но как она попала на пастбище? Он подумал, что от отчаяния и горя сходит с ума. Плотнее закрыл глаза и притих. А голос все бли-

же и ближе. И вот кто-то уже трясет его за плечи.

- Деда, что с тобой?! Очнись...

- Это ты, Аленка, чо ли? — не поверил старик, силясь открыть глаза. Ему все чудилось, что видения не оставляют его. «Определенно схожу с ума», - грустно подумал он.

- Де-е-еда, - не отступалась Аленка.

Старик опасливо приоткрыл один глаз, потом и другой. Перед ним действительно на коленях стояла Аленка.

- Уйди, уйди, нечистая сила! — брыкнулся старик, отмахиваясь руками.

- Д-е-е-еда... - тормозила старика Аленка. — Очнись...

И уже в который раз старик удивился:

- Дако же ты, Аленка, чо ли?

- Я деда. Я... - тараторила испуганная девочка, тормоша старика. — Я тебя поповедать пришла, деда.

Митрич наконец пришел в себя.

- Чо там деется-то? — старик безвольно махнул рукой в сторону табуна.

- Где? Чего? — не поняла Аленка.

- Жеребец не зашибил жеребушку-то? — прошелестел блеклыми губами Митрич.

- Какую жеребушку? Никто никого не зашибал. Тебе почудилось, деда.

Девочка стала внимательно разглядывать табун.

На лугу мирно паслись кобылицы. Жеребята смирно лежали в середине табуна. Лишь табунный жеребец Жиган резвился на лугу с черногривым жеребенком. Жеребенок то бросался к кобылицам, спрятавшись за них, то неожиданно выскочив с

другой стороны и наклонив голову к земле, со всех ног мчался к жеребцу.

Продолжение следует

Алексей БОНДАРЕНКО